

Р.М. Валеев

**ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ:
ПИСЬМА Н.Ф. КАТАНОВА В.В. РАДЛОВУ
(конец XIX — начало XX в.)**

Замечательный сын хакасского народа, выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1888), заведующий кафедрой турецко-татарской словесности, профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов (1894–1922) — один из тех ярких ученых и мыслителей, которым довелось внести серьезный вклад в российскую науку, образование и культуру. Его жизненный путь и деятельность отражают важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения, в том числе тюркологии рубежа XIX–XX веков.

Н.Ф. Катанов со студенческих лет в Петербурге (1884–1888), времени его основных экспедиций в Южной Сибири и Восточном Туркестане (1889–1892), а также преподавательской работы в Казани (1894–1922) был тесно связан со своим учителем и наставником В.В. Радловым. Биографы Н.Ф. Катанова справедливо отмечали роль академика В.В. Радлова в изучении студентом Катановым общетюркской фонетики в 1885–1888 гг.

В 1909 г., уже будучи профессором Казанского университета, Н.Ф. Катанов так оценивал роль своих первых наставников: «Н.М. Ядринцев вдохновлял меня к исследованию быта и истории инородцев, Г.Н. Потанин — к записям произведений

народного творчества по строго определенной системе с целью выяснения общих мотивов и черт и заимствований, В.В. Радлов настаивал к точной записи произведений словесности с целью определения, так сказать, родства и свойства разных инородческих наречий и языков, а Э.Ю. Петри убеждал в необходимости предварительного изучения европейских авторов, писавших об инородцах» [Катанов 1909: 266].

Как известно, в истории отечественной тюркологии Казань и Санкт-Петербург сыграли исключительную роль. Интересы В.В. Радлова и Н.Ф. Катанова были тесно взаимосвязаны, и эти центры российской тюркологии также сыграли важную роль в их творческих биографиях. В настоящей статье я бы хотел обратить внимание лишь на некоторые забытые и малоизвестные страницы истории российской тюркологии, а также на творческую связь двух известных тюркологов XIX — начала XX в.

Символичными представляются события, связанные с приглашением В.В. Радлова на преподавательскую работу в Казанский университет в 70–80-х годах XIX в. В январе 1871 г. Н.И. Ильминский зачитал доклад на историко-филологическом факультете, в котором обосновал необходимость приглашения В.В. Радлова «на имеющуюся в Казанском университете вакансию одного из положенных по штату двоих преподавателей восточных языков» [НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 897. Л. 22]. Основная часть доклада был посвящена описанию научных поездок В.В. Радлова по Алтаю (1860), Восточной киргизской степи (1862), Хакасии (1863) и Семиречью (1868–1869) и оценке его основных лингвистических, фольклорных, этнографических работ.

Н.И. Ильминский отмечал: «Я перечислил труды г. Радлова далеко не обстоятельно и не все, потому что не имею под руками полных к тому данных. Но полагаю, что и вышенаписанного достаточно для убеждения в научных достоинствах его работ и в его ученом призвании. Со своей стороны могу смело утверждать, что по богатству, основательности и разнообра-

зию знания в тюркских наречиях, приобретенного притом из первичных, непосредственных источников, г. Радлов не имеет себе равных» [Там же]. Этот материал — яркое свидетельство тесных взаимоотношений Н.И. Ильминского и В.В. Радлова в период алтайской деятельности последнего в 1859—1871 гг. Н.И. Ильминский особо подчеркивал тот факт, что «в последнее <...> свидание мое с г. Радловым он мне, между прочим, высказал, что теперь Барнаул не может уже служить удобным местом для его лингвистических экскурсий, потому что почти все тюркские наречия Сибири и соседственных с нею местностей им обследованы, — по ходу его занятий, поле его изысканий должно переступить по сю сторону Урала» [Там же].

В своем докладе Н.И. Ильминский высказал идею передачи В.В. Радлову турецко-татарской кафедры, при этом докладчик просил оставить за ним преподавание арабского языка в университете. В конце доклада Н.И. Ильминский заявил: «Масса наречий и подречий тюркских в Европейской России нашла бы в г. Радлове неутомимого и опытного исследователя. Работы ему еще много даже по собиранию материалов, а затем он имеет в виду составить сравнительный лексикон для тюркских наречий и, наконец, сравнительную грамматику их» [Там же: Л. 22 об.].

В 1884 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук Н.И. Ильминский уступил В.В. Радлову открывшуюся вакансию ординарного академика по части ориентализма [Библиографический словарь 1989: 66—70].

А.Н. Кононов, оценивая казанский период деятельности В.В. Радлова, отмечал, что «жизнь в Казани, в одном из главных центров научного языкознания тогдашней России, участие в кружке И.А. Бодуэна де Куртенэ не могли не пробудить у Радлова интереса к проблемам общего языкознания, которые, однако, он неизменно рассматривал через призму хорошо известного ему тюркского лингвистического материала» [Кононов 1972: 12].

В начале 80-х гг. XIX в. в связи с возрождением восточноведческих кафедр Казанского университета — угро-финской и турецко-татарской филологии — профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ также предложил пригласить на преподавательскую работу В.В. Радлова, который в тот период занимал пост инспектора татарских, башкирских и киргизских (точнее, казахских) школ Казанского учебного округа. В.В. Радлов согласился перейти в университет в марте 1883 г., заявив И.А. Бодуэну де Куртенэ, что «его побуждает к этому главным образом желание, освободившись от разных занятий чисто административного характера, совершенно отвлекающих его от науки, посвятить себя всецело своей специальности, а в частности, кроме преподавательской деятельности, постепенной окончательной обработке и изданию собранных им материалов и основанных на них трудов» [НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1249. Л. 3 об.].

Как было отмечено, избрание В.В. Радлова ordinарным академиком по литературе и истории азиатских народов (июнь 1884 г.) не позволило осуществить перспективные учебные и научно-организационные мероприятия в университете по преподаванию тюркских языков.

Об истории избрания В.В. Радлова в академию свидетельствуют письма известных российских востоковедов, — они приведены в приложении к статье. Это два письма основоположника Петербургской школы востоковедов арабиста В.Р. Розена, письмо неперменного секретаря Академии наук экономиста К.С. Веселовского казанскому тюркологу Н.И. Ильминскому, а также письмо востоковеда, археолога и нумизмата В.Г. Тизенгаузена инспектору татарских, башкирских и казахских школ Казанского учебного округа В.В. Радлову. Послания датируются 1881–1884 гг.

Эти источники особенно интересны для осмысления истории университетской и академической ориенталистики в России и дополняют сведения о тесных личных и профессиональных связях ученых-востоковедов Санкт-Петербурга и Казани в последней четверти XIX в. Эти материалы позволяют отметить

сохранявшуюся значимость казанского центра востоковедения и роль ряда его представителей второй половины XIX — начала XX в. Указанные письма для нас важны тем, что, во-первых, являются автографами крупнейших российских востоковедов XIX в., во-вторых, в письмах В.Р. Розена и К.С. Веселовского изложено личное предложение Н.И. Ильминскому занять должность ординарного академика по разряду ориентализма и дана высокая оценка его вклада в востоковедение, в-третьих, здесь мы находим уникальную оценку состояния академического востоковедения, его тюркологической составляющей и роли некоторых отечественных ученых. Наконец, в-четвертых, в письмах особенно остро чувствуются личное настроение и позиция человека и ученого, и они несомненно значимы в изучении научных биографий российских академиков-востоковедов XIX в.

Значительный период в истории казанской университетской тюркологии 90-х годов XIX в. — первых двух десятилетий XX в. связан с педагогической и научной деятельностью Н.Ф. Катанова, ученика В.В. Радлова, возглавлявшего кафедру турецко-татарской филологии Казанского университета с 1894 г. на протяжении почти 30 лет. Следует отметить, что богатое эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова сыграло большую роль в истории отечественной тюркологии: первые письма, которые он начал адресовать своим наставникам, друзьям и коллегам, датируются 1884 г. Переписка продолжалась до самой его смерти в 1922 г.

Письма дают возможность осветить и оценить многие значимые события творческой биографии Н.Ф. Катанова, которые оставались долгие годы вне поля зрения многих исследователей, изучавших его жизненный путь. Из них мы узнаем, например, что отсутствие в Казанском университете и Казанской духовной академии полноценных условий для изучения восточных языков предопределило окончательное решение Н.Ф. Катанова поступать на Восточный факультет Санкт-Петербургского университета [Покровский 1928: 247]. В принятии этого реше-

ния особую роль сыграли первые наставники будущего ученого: Н.И. Ильминский и В.В. Радлов.

Важным рубежом жизненного и профессионального пути Н.Ф. Катанова стало путешествие 1889–1892 гг. в Центральную Азию с целью изучения языков и этнографии тюркских народов, организованное и поддержанное Русским географическим обществом (образовано в 1845 г.), Петербургской Академией наук и Министерством народного просвещения. Идея организации данного путешествия связана с обсуждением записки В.В. Радлова о перспективности «исследования остатков тюркских племен на крайнем Востоке» на заседании Отделения этнографии Императорского Русского географического общества 11 декабря 1887 г. [Известия... 1888: 421–423]. На заседании было решено представить записку в Совет Общества.

В этой записке В.В. Радлов дал высокую оценку студенту IV курса восточного факультета Санкт-Петербургского университета Н. Катанову. Радлов писал: «Он занимался со мною в течение трех лет и издал уже при Академии несколько статей, касающихся своего родного говора. Из слов профессоров его и из собственных наблюдений я убедился в его усердии, способностях, преданности к науке и знаниях его по избранным предметам, так что нельзя найти более подготовленного и более способного лица для исполнения вышеупомянутого предприятия» [Известия... 1888: 469]. Он также просил Совет общества выделить в смете 1888 г. 1000 руб., создать «комиссию для составления подробного плана» экспедиции, а также обещал «ходатайствовать об ассигновании г. Катанову субсидии из штатных сумм Императорской Академии наук».

Особый интерес представляют практически забытые письма Н.Ф. Катанова В.В. Радлову, написанные в период этого научного путешествия. В сентябре 1893 г. в своем предисловии к их изданию В.В. Радлов отмечал, что в них «немало сведений, новых и интересных для этнографии и туркологии». Основоположник комплексных историко-этнографических и лингвистических экспедиций среди тюркских народов Сибири второй по-

ловины XIX в., В.В. Радлов обращал внимание читателя на то, что письма его ученика «представляют особый интерес потому, что описаны на местах исследований и под свежим впечатлением» [Письма... 1893: 1]. Именно его ученику было суждено продолжить комплексные тюркологические лингвистические, фольклористические и этнографические исследования в Центральной Азии в конце XIX в.

Также следует обратить пристальное внимание на все еще полностью не опубликованные письма Н.Ф. Катанова Радлову периода переезда последнего из Казани в Санкт-Петербург. В приложении к статье мы приводим одно из таких писем, написанное во время путешествия в 1890 г. из укрепления Бахты Семиреченской области. Также очень интересны письма Н.Ф. Катанова, адресованные другим известным отечественным востоковедам — В.Р. Розену (1849–1908), Э.К. Пекарскому (1858–1934), С.Ф. Ольденбургу (1863–1934), К.Г. Залеману (1849–1916). Письма Н.Ф. Катанова В.В. Радлову, которые сохранились в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, дают интересный материал о неизвестных страницах истории отечественной тюркологии, научных и личных связях отечественных ученых и заставляют задуматься о состоянии и перспективах российской тюркологии и культуры народов России рубежа XIX–XX веков.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо В.Р. Розена Н.И. Ильминскому

Получено 7 октября 1881 г.

Глубокоуважаемый Николай Иванович.

В мае месяце текущего года Академия наук лишилась в лице Б.А. Дорна¹ своего ординарного академика по кафедре мусуль-

---

¹ Дорн Борис Андреевич (Иоганес Альбрехт Бернгардт) (1805–1881), востоковед, языковед, член Академии наук, экстраординарный академик

манских языков. Наступившие затем каникулы помешали всяким предложениям о замещении оной вакансии. Ныне же я позволил себе, в беседах об этом предмете, упомянуть Ваше имя как имя достойнейшего кандидата и встретил, как и следовало ожидать, горячее сочувствие со всех сторон. Но для формального предложения нужно, конечно, согласие Ваше, и цель настоящего моего письма заключается именно в том, чтобы просить Вас дать это согласие.

Академия уже давно должна была заботиться о том, чтобы принять Вас в число своих действительных членов, и она, конечно, теперь, когда по случаю открывшейся вакансии ординарного¹ академика ей представляется возможность предложить Вам эту кафедру, исполнить² только свой долг избранием именно Вас. Я знаю очень хорошо, что Вы имеете в Казани дело, которому Вы горячо преданы и которое до известной степени держится именно Вашим трудом и Вашей заботой. Но мне кажется, что и здесь в Петербурге Вы найдете возможность следить за этим делом и поддерживать его самым действительным и плодотворным образом, именно образованием новых деятелей по татарскому языкознанию. Вы согласитесь со мной, что мы именно нуждаемся в знатоках тюркско-татарских языков; русский ориентализм не может же выпустить из своих рук ту именно область, в которой он по самой природе вещей должен быть впереди западных ориенталистов, и государство не менее заинтересовано в образовании знатоков этих языков. Между тем у нас при нынешнем положении вещей весьма мало надежды на оживление этой отрасли ориентализма. Что таково не мое только личное мнение, это Вы узнали, вероятно, уже из

(1842), ординарный академик (1852), директор Азиатского музея в 1842–1881 гг. Преподавал в Харьковском (1829–1835), в Петербургском (1838–1842, 1855–1857) университетах, в Учебном отделении восточных языков МИД России (1834–1843). Директор Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (1844–1869).

¹ Выделение чертой соответствует выделению в документе.

² Так в документе.

письма И.Н. Березина¹, компетентность которого в этом деле не подлежит сомнению.

Ваш приезд принес бы огромную пользу как Академии, так и Университету, и я убежден, что именно при ближайшем знакомстве с нашей факультетской учащейся молодежью Вы найдете, как много богатых сил встречается в ее среде и как она доступна (за немногими исключениями) влиянию профессоров при некотором старании со стороны сих последних. Вам не трудно будет образовать школу русских татаристов, и этим Вы окажете чрезвычайно большую услугу русской науке, русскому государству. Это убеждение дает мне смелость просить Вас согласиться на представление Вашей кандидатуры в Ак[адемию] наук и внушает мне некоторую надежду на исполнение Вами этой просьбы.

С величайшим удовольствием я постараюсь дать Вам все сведения, какие могут Вам понадобиться, относительно материальных условий здешней жизни и пр. и пр., Вы мне пишете, что Вы в принципе согласны на переселение в Петербург.

В заключение прошу Вас, многоуважаемый Николай Иванович, принять уверение в глубоком почтении и совершенной преданности, и [...]².

Ваш покорный слуга В. Розен.

Адрес: барону Виктору Романовичу Розену,

Фурштатская ул., д. 25, кв. 11.

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 12–14.

¹ Березин Илья Николаевич (1818–1896), тюрколог, выпускник Восточного разряда Казанского университета (1837), профессор, преподаватель турецко-татарского языка в Казанском (1846–1855) и Петербургском (1855–1896) университетах.

² Слово написано неразборчиво.

Письмо В.Р. Розена Н.И. Ильминскому

22 ноября 1882 г.

Фурштатская 25, кв. 11

Многоуважаемый Николай Иванович,

Ваше письмо от [...] ¹ окт[ября] дошло до меня благополучно, но разрушило все мои надежды и вызвало искреннее сожаление моих сочленов о том, что Академия лишается таким образом возможности видеть Вас в числе ее действительных членов. Согласно Вашему желанию я никому не показывал Вашего письма и как причину Вашего отказа приводил то, что Вы сами указали, т.е. Вашу деятельность по инородческому образованию. Но я не могу не выразить Вам глубокого моего убеждения, что Вы ставите Академию и академиков слишком высоко и себя ставите слишком низко. Во всем нашем отделении (историко-филологическом) только один О.Н. Бётлинг[к] ², строго говоря, вполне компетентен как судья о Ваших трудах, и он в ответ на посланный ему запрос насчет Вашей кандидатуры прислал одному из нас (именно А. Науку) [...] ³ письмо, в котором он горячо одобряет наше предположение и весьма лестно отзывается о Вас.

Лично я жалею еще более о том, что нашему Университету также не придется считать Вас своим. Я убежден, что будущность науки у нас в руках университетов, а не Академии, если последняя останется в таком виде и положении, как теперь.

При всем том я вполне понимаю отказ Ваш и уважаю причины, вызвавшие его. Раз в человеке утвердилось убеждение, что он по тем или другим причинам не может исполнять известное дело — как бы ни странным казалось такое убеждение

¹ Цифра не читается, лист поврежден.

² Бётлингк Оттон Николаевич (1815–1904), санскритолог, член Петербургской академии наук, экстраординарный академик (1845), ординарный академик (1855).

³ Слово зачеркнуто.

другим — было бы просто грешно постараться поколебать это убеждение. Мучительность таких сомнений в собственных силах я сам слишком, к сожалению, хорошо испытал и никому не желаю их. Нет ничего тягостнее, чем мысль, что не удовлетворяешь требованиям данного положения.

Во всяком случае, я прошу Вас, многоуважаемый Николай Иванович, позволить мне надеяться, что Вы сохраните мне ту симпатию и то доброе расположение, которые проглядываются в каждой [...]¹ строке Вашего письма и которым я чрезвычайно дорожу.

С искреннейшим уважением преданный Вам В. Розен.

P. S. Рукопись перевода Абул-Гази, сделанного покойным Саблуковым², прислана, как мне сообщил В.Г. Тизенгуазен, и хранится теперь в Археологическом обществе.

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 — 3 об.

Письмо К.С. Веселовского Н.И. Ильминскому

12 января 1882 г.

Милостивый государь, Николай Иванович.

Члены историко-филологического отделения Императорской академии наук, обсуждая вопрос об усилении своего состава по разряду ориентализма, весьма ответственно не могли, прежде всего, не остановиться на тех превосходных трудах, которые доставили Вашему превосходительству бесспорно первое место в ряду современных русских ориенталистов, и полагают, что одно из вакантных в Академии мест ординарного академика по восточной части должно по всем правам и бесспорно

¹ Слово не читается, лист поврежден.

² Саблуков Гордий Семенович (1804–1880), тюрколог и исламовед, миссионер, преподавал восточные языки в Саратовской духовной семинарии (1830–1849) и Казанской духовной академии (1849–1880).

принадлежать Вам. Поэтому Академия, исполняя давнишнее свое желание, хотела бы предложить Вам именно это место, но к осуществлению этого желания представляется одно обстоятельство, которое вполне зависит только от Вас.

Со службою в Академии в звании академика неразрывно связано условие жительства в Петербурге, поэтому позвольте просить Вас об уведомлении меня — будете ли Вы согласны на переход на службу в Академию и на переселение Ваше в Петербург. Для соображения Вашего могу лишь прибавить, что со званием орд[инарного] академика соединено в содержании в 3000 руб., а именно: жалованье — 1800, столовых — 900, квартирных — 300 и затем в перспективе — вместо этих 300 руб. — квартира в натуре в одном из домов Академии, как скоро таковой откроется. С нравственной стороны: более обширное поприще для ученых занятий, представляемое в особенности богатствами нашего Азиатского музея, и самое приятное отношение в ученых кружках Петербурга, которые, я уверен, откроются для Вас самым радушным образом. Наконец, и с материальной стороны в Петербурге, без сомнений, мог бы для Вас представиться случай для улучшения быта, в особенности в существующих здесь высших учебных заведениях.

Вам, конечно, принадлежит решить этот вопрос с точки зрения Ваших личных интересов. Я же со своей стороны могу только удостоверить Ваше превосходительство, что вступлением в Академию Вы бы исполнили наше давнишнее, задушевное желание и встретили бы в Академии самый радушный прием.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

К. Веселовский (подпись).

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 1 — 1 об., 4.

Письмо В.Г. Тизенгаузена В.В. Радлову

Санкт-Петербург
12 апреля 1884 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Любезное письмо Ваше от 2-го апреля я получил 10-го и вчера отправился в Эрмитаж, чтобы сообщить содержание его А.А. Кунику¹, но не застал его там, и поэтому только сегодня мог переговорить с ним о Вашем деле. Он вполне одобряет мысль Н.И. Ильминского и готов со своей стороны всячески поддержать Вашу кандидатуру в Академию, когда она уже будет заявлена, но просил меня сообщить Вам, что всякое предварительное посредничество его по этому делу только может повредить успеху дела, потому что немедленно возбудить² подозрение во враждебно относящихся к нему сотоварищах, что он заботится не о привлечении в Академию новой научной силы, а [хочет]³ о подготовке себе одномыслящего партнера. Вот до чего дошли дела академические. Наука играет там уже второстепенную роль, и при новом выборе академика весь вопрос состоит в том, насколько предлагаемый кандидат и предлагающий его академик удобны для той партии, которая заправляет ходом дела и водит за нос своего недальновидного президента. <...> Сообщаю Вам это без всякого раздражения.

Мои отношения к Академии для Вас совершенно не пригодны. После прошлогодней моей заметки в «Нов[ом] времени» о жалком положении нашего Азиат[ского] музея и академического ориентализма, она, вероятно, предала меня анафеме. Следовательно, Ваш покорнейший слуга — самое неподходящее лицо, о котором Вы только могли подумать для увертюры Вашего дела. На мой взгляд, Н[иколай] Ив[анович], как член-

¹ Куник Арист Аристович (Эрнест Эдуард) (1814—1899), историк, член Академии наук, экстраординарный академик (1850).

² Так в документе.

³ Слово зачеркнуто.

корреспондент Академии обязанный, некоторым образом, заботиться о научных интересах ее, и как лицо, совершенно не причастное к академическим дрязгам, а потому и немогущее быть заподозрено в каких-нибудь личных тенденциях, поступил бы как нельзя лучше, если бы в письме к непрем[енному] секретарю не только высказал прямо свои убеждения и свои доводы на Ваше право занять академическое кресло, но и просил бы Веселовского довести об этом до сведения конференции и президента Академии.

Куник советует еще отложить дело до тех пор, пока будет окончено печатание в «Записках» Академии Вашей статьи о языке куманов.

С большим интересом буду ожидать развязки этого дела. Прошу Вас передать от меня Ник[олаю] Ивановичу нижайший поклон. Очень жалею, что летом не остался еще лишний денек в Казани, чтобы повидаться с ним. Недели через 3 или 4 оканчиваю печатание 1-го тома моего «Сборника материалов для истории Золотой Орды». Тогда пришлю Вам и ему по экземпляру.

С пожеланием Вам всякого успеха в задуманном деле, искренне преданный Вам В. Тизенгаузен (подпись).

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 11 — 11 об., 15 — 15 об.

Письмо Н.Ф. Катанова В.В. Радлову

Укрепл. Бахты (Семиречен. обл.)
ноября 27 дня 1890 года.

Почтеннейший Василий Васильевич!

Прилагая при сем доверенность, засвидетельствованную здешним участковым начальником от 27 нояб[ря] с. г. за № 1.332, осмеливаюсь беспокоить Вас своею просьбою: получить из Министерства и выслать мне командировочную сумму по адресу: «В укрепление Бахты (Семиреченской области) Н.Ф. Катанову».

Если получите деньги, не замедлите выслать, потому что в сию минуту осталось у меня только 30 р. 16 к. Если выйдут эти деньги, не знаю, что делать. В займы взять не у кого. Придется разве только брать частные работы. Вышлите мне еще 30 рублей за урянхайские ¹ вещи, к[отор]ые я послал частною посылкою в 1889 г. Если придется поехать в Хами, то прошу выхлопотать мне из Пекина китайский открытый лист, иначе придется где-нибудь положить голову. Если буду я назван купцом, то тогда хоть с места не двигайся, потому что китайцы оберут всего и везде станут придирааться. Без открытого листа будет худо еще потому, что много уйдет денег на подарки чиновникам. Недавно один сарт² из Чугучака передавал как слух, что в Китайском Туркестане поговаривают о возмущении против китайцев, имеющем скоро быть. Главная причина — излишние поборы и вымогательства, которыми более всего отличаются ваны (амбани) городов: Каргалька, Кони-Турфана, Ло-гу-чена и Хами. В видах этого многие дунганцы³ будто бы вывезли своих стариков, жен и детей в Русский Туркестан. Не

¹ Тувинский народ.

² Сарты — тюркоязычные этносы (узбеки).

³ Дунгане — китаезычный народ, проживающий в Центральной Азии (Синьцзянь (КНР), Киргизии, Казахстане, Узбекистане. Потомки китаезычных мусульман хуэйцау.

знаю, случится ли что, Во всяком случае, открытýй лист из Пекина необходим.

Материалы минусинских татар¹, сартов Восточного Туркестана и Дзунгарских киргизов я переписываю, чтобы послать Вам.

За неимением средств телеграммы посылать не буду. Здесь пробуду долго. Пишите. Клаянюсь. Желательно получить денег как можно больше.

Н. Катанов

СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 125. Л. 6 — 7 об.

Источники

НА РТ². Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 897. Л. 22.

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 — 3 об.

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 1 — 1 об., 4.

НА РТ. стан. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 11 — 11 об., 15 — 15 об.

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 12—14.

НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1249. Л. 3 об.

СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 125. Л. 6 — 7 об.

Библиография

Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. 2-е изд. М., 1989.

Валеев Р.М. «Мы именно нуждаемся в знатоках тюркско-татарских языков» (Казань и академический ориентализм в России в XIX в.) // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2006. № 2. С. 66—70.

Известия императорского русского географического общества. 1888. СПб., 1889. Т. XXIV.

Катанов Н.Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Записки Русского географического общества. Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. 1909. Т. XXXIV. С. 265—288.

¹ Минусинские татары — современные хакасы.

² Национальный архив Республики Татарстан.

Кононов А.Н. В.В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. С. 7–16.

Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Читано в заседании историко-филологического отделения 9-го января 1890 года. СПб., 1893.

Покровский И.М. Памяти проф. Н.Ф. Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии. 1928. Т. XXXII. Вып. 2. С. 245–259.